

ВЕРСИИ

*Всеволод МЕРКУЛОВ,
кандидат исторических наук*

ИЗ ОКНА В ЕВРОПУ УВИДЕЛИ РЮРИКА

Источники о допетровской России и взгляды на происхождение Руси на Западе долгое время укладывались в рамки исторической традиции, которой следовали европейские интеллектуалы, авторы путевых записок и даже рассказчики из народа. В книжном варианте эта традиция оформилась ко времени Герберштейна и Мюнстера. Её фактическая сторона находила прямое подтверждение в трудах средневековых хронистов вроде Титмара и Саксона Грамматика, которые сообщали многие интересные сведения о Руси. Неудивительно, что эта традиция нашла яркое выражение в Северной Германии.

Время от времени сложившиеся представления актуализировались в контексте политических и межгосударственных связей. В начале XVIII столетия открылась новая страница во взаимоотношениях России с Западной Европой. В разгар Северной войны Пётр I стремился к усилению русского влияния на южном побережье Балтики, рассчитывая на то, что эти территории удастся эффективно использовать как плацдарм для борьбы со Швецией. Герцогство Мекленбург, также вступившее в войну против шведов, в свою очередь рассчитывало на военную помощь России. И русская дипломатия не преминула воспользоваться этим шансом, чтобы укрепить позиции на Балтике. К тому же Россия впервые за несколько столетий снова вышла к балтийским рубежам, с которыми было тесно связано её древнейшее прошлое. Актуальное внешнеполитическое сотрудничество помогло вспомнить про общую историю. В Мекленбурге её истоки прослеживали до эпохи ободритов и предков князя Никлота.

Со временем второго крупного визита царя Петра I в Европу совпал брак

правлящего мекленбургского герцога Карла Леопольда с дочерью Ивана V Алексеевича Екатериной, заключённый 19 апреля 1716 года в Данциге. Такой династический союз был вполне обусловлен не только политическими предпосылками, но и традиционными русско-мекленбургскими связями¹.

К высочайшей свадьбе великокняжеский печатный двор в Гюстрове выпустил юбилейную книгу торжественных поздравлений, стихов и генеалогий, составленную при непосредственном участии проректора местной гимназии Фридриха Томаса². Её содержание было обусловлено не только актуальной политической значимостью события, к которому был приурочен труд, но и осмыслением целого исторического пласта в русле бытовавшей в Мекленбурге и Померании традиции. Декларативный характер книги поддерживался многими историческими обоснованиями от предшествующих авторов. Россия вновь пришла на Балтику, и это стало своего рода катализатором для нового развития представлений о тесной связи русской истории с северно-германскими землями.

Брак Карла Леопольда с Екатериной Ивановной, важный, безусловно, с политической точки зрения, не был воспринят современниками только таковым. Понятно, что любой династический союз, а особенно в условиях общеевропейской Северной войны, был обусловлен в первую очередь политическими причинами. Но согласно мекленбургской генеалогической и исторической традиции к нему относились и как к продолжению древних дина-

стических связей, уходивших корнями во времена Рюрика и древних представителей династии вендов и ободритов. Позднее Томас продолжил исследования по русско-мекленбургским родословиям, выступив инициатором дискуссии по этому вопросу³.

Происхождение мекленбургской (вендской) династии от ободритов не вызывает сомнений у подавляющего большинства исследователей. Обычно её возводят к королю Никлоту, так как с него родословно-хронологическая последовательность не содержит существенных разночтений в источниках⁴. Вопрос о более древних представителях династии, начиная с легендарных королей, всегда был дискуссионным из-за некоторых расхождений в генеалогиях. Однако споры велись, как правило, вокруг частных вопросов, касающихся отдельных персоналий (реальность или мифичность, уточнение датировки правления или смерти, преемственность родства и т. д.), то есть в узкогенеалогическом контексте. Тогда как принципиальной, а следовательно, и наиболее значимой для исторической науки проблемой здесь оказываются происхождение и причина длительного существования традиции возводить мекленбургскую династию к глубокой древности и через ободритов связывать её с Россией.

Историческое значение мекленбургских генеалогий представляется чрезвычайно любопытным. В их основе лежит идея происхождения правящих шверинских и гюстровских герцогов от древних вендских и вандальских королей. Особенно полно она выразилась в генеалогическом труде Николая Маршалка 1526 года, некоторое время назад переизданном стараниями со-

Карл Леопольд.

Екатерина Ивановна.

трудника Шверинского архива доктора Андреаса Рёппке⁵.

Маршалк был популярен в средневековой Германии и за её пределами, на него ссылались и современники, и последователи. Однако в Новое время, с распространением в Западной Европе шведских романтических утопий Магнуса и Рудбека, некоторые авторы стали относиться к генеалогии Маршалка как к историческому курьёзу. Так, мекленбургский краевед Георг Лиш, указывая на увлечение Маршалка древней историей, писал, что это «только его гипотеза», что «должно предать забвению его вымысел и критически использовать правдивую историю»⁶. Однако исторический романтизм Маршалка, как теперь очевидно, был намного ближе к реальной исторической действительности, нежели предлагаемая «альтернатива» — более поздние шведские представления о роли предков скандинавов в мировой и русской истории.

В значительной мере Маршалк опирался на своего предшественника, ганзейского историка Альберта Кранца⁷. Традиция получила развитие и в работах более поздних германских авторов⁸. К тому же её истоки представ-

лялись совершенно очевидными и обоснованными, в том числе и на основе фактического материала⁹.

В Северной Германии российская общественно-политическая мысль встретила не только понимание актуального момента, но и глубокий интерес к собственно русской истории, который не исчез за время длительного шведского господства, поддерживаясь из столетия в столетие. Поэтому свадьба правящего герцога Мекленбурга с дочерью русского «царского рода» воспринималась в полном соответствии с этими представлениями. В связи с женитьбой ликовал весь «ободритский народ» и вся «вендская земля», так как великокняжеский род вендов вновь, как и в прежние времена, породнился с русскими.

Брак Карла Леопольда с Екатериной отнюдь не оценивался современниками как заурядное и политически мотивированное событие, ведь с ним как будто возрождались древние связи Мекленбурга с Россией. Несомненно, этого не могло произойти по сиюминутной политической случайности, оформленной

волею отдельных северогерманских авторов, нередко обвиняемых сегодня в предвзятости и в вымыслах.

Одно из центральных мест в гюстровской публикации Фридриха Томаса занимает хвалебная ода в честь состоявшегося события. Это произведение поражает не только литературно-художественными достоинствами, изящным стилем, свойственным поэзии начала XVIII века. Оно несёт в себе живую историческую традицию, бытовавшую в Мекленбурге, отражает мекленбургский взгляд на Россию как на родственное и дружественное государство. Традиция непременно должна была находить отражение в широком общественном сознании жителей Мекленбурга, что хорошо заметно в отношении к браку между Карлом Леопольдом и Екатериной, когда «всё стало, как и прежде, как при ободритах»¹⁰.

Проживание на территории одного региона, на южном побережье Балтийского моря, в общей культурной среде позволяет источникам сблизить ободритов с варягами (варинами)¹¹. Немецкий исследователь Ф. Виггер указывал на принадлежность варягов к племенному объединению ободритов, которые за-

А. Н. Бенуа. Гулянье в Летнем саду при Петре Великом. 1910 г.

нимали города Ратцебург, Варнов, Рерик и другие¹². Адам Бременский приводил их племенное самоназвание — *geregi*, которое наравне с топонимом Рерик могло быть связано с именем варяжского князя Рюрика.

Фридрих Томас писал, со ссылкой на своих предшественников — Латома и Хемница, что ободритский король Витслав — его упоминают также франкские хроники — был женат на дочери некоего русского князя, и сыном от этого брака был принц Годлейб, который стал отцом троих братьев — Рюрика, Сивара и Трувора, урождённых вендских и варяжских князей, призванных править на Русь. После скорой кончины двоих братьев Рюрик будто бы стал единовластным правителем Руси.

Концепцию Томаса принимал мекленбургский историк Матиус Иоганн фон Бэр. Согласно его исследованию, у «короля рутенов и ободритов» Витислава был сын Годелайв, у которого, в свою очередь, были сыновья Рюрик, Сивар и Трувор. Позднее Рюрик основал Новгород и стал великим князем русов¹³.

Противоположное мнение в немецкой историографии того времени выражал разве что востоковед Готлиб Зигфрид Байер, который писал, что «Бернард Латом и Фридерик Хеминиций и последователи их, сие первое от всех как за подлинное положили. И понеже они сыскали, что Рурик жил около 840 года по рождении Христовом, то потому и принцев процветавших у Вагров и Абодритов сыскивали. И понеже у Витислава короля два сына были, один Трасик, которого дети ведомы были, другой Годелайб, которого дети неизвестны, то оному Рурика, Трувора и Синава приписали»¹⁴.

Однако не следует забывать, что Байер находился под сильным влиянием шведских концепций, для которых мекленбургская историческая традиция была совершенно неприемлема с идейной точки зрения¹⁵. В отличие от России, Швеция утратила своё влияние на Балтике и была заинтересована хоть в каком-то реванше, пусть даже не в сфере реальной внешней политики, а в области политической мифологии.

Впрочем, шведский взгляд на раннюю русскую историю складывался весьма противоречиво. Пока до поражения под Полтавой было далеко, придворный историк и дипломат Пётр Петрей в начале XVII века писал очень неопределённо: «Я нигде не мог отыскать, что за народ были варяги, и потому должен думать и войти в подробные разыскания, что они пришли из Шведского ко-

Страница из юбилейной книги Фридриха Томаса.

ролевства или из вошедших в состав его земель, Финляндии и Ливонии».

Петрей полагал, что варяги были народом с побережья Балтийского моря, также как шведы, финны, кашубы, померанцы, венды и другие. Но определить, с какого берега — южного или северного — они происходили, Петрей однозначно не мог. С одной стороны, он писал, что князья Рудрих, Синаус и Трувор вели своё происхождение и вышли из Пруссии, а впоследствии стали править в Северо-Западной Руси. Однако в той же работе, дальше по тексту, он поправлялся и указывал, что варяги происходили не из южнобалтийской Вагрии (Wagerland), а из Швеции¹⁶.

По замечанию Ю. А. Лимонова, Петрей широко использовал западноевропейские и русские источники, но комментировал их по собственному усмотрению¹⁷. Имени Рюрик у него соответствуют шведские Эрик, Фридрих, Готфрид, Зигфрид или Родрих; Синеус имеет скандинавскую аналогию Свен, Симон или Самсон, а Трувор — Тур, Тротт или Туф. Всё это мало соответствовало историческим реалиям, не встречало взаимности в соседних странах, зато отвечало актуальным на тот период шведским интересам.

Однако, анализируя фразу Петрея о том, что варяги «пришли из Шведского королевства или из вошедших в состав его земель», необходимо признать, что упоминание Швеции возникло в ней не случайно. Дело в том, что южнобалтийское побережье, с которым варягов связывала европейская средневековая

традиция, в первой половине XVII века, то есть во времена Петрея, входило в состав Шведского королевства. Так что здесь могло иметь место обобщение, по которому варяги будто бы «пришли из Швеции» в её тогдашних границах. Это допустимо, пожалуй, рассматривать как свидетельство, отразившее реалии конкретной исторической эпохи.

Позднее, в канун последней Русско-шведской войны 1808–1809 годов, по результатам которой от Швеции была отторгнута Финляндия, шведский взгляд на русскую историю стал выражаться более определённо, но отнюдь не приобрёл за счёт этого исторической объективности. Так, историк Олаф Далин в работе «История шведского государства» писал о князе Рюrike, в котором видел шведского короля Эрика Уппсальского. По его мнению, от Швеции Русь оторвала только монгольское нашествие¹⁸.

Напротив, в Северной Германии ничего придумывать было не нужно. Живая традиция сохранялась в этом регионе вплоть до XIX века. Тогда здесь ещё бытовали народные легенды, которые не попали и объективно не могли попасть в самые древние скандинавские саги. Одно из таких преданий записал в Мекленбурге французский путешественник К. Мармье: «В VIII веке племенем ободритов правил король по имени Годлав, отец трёх юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый звался Рюриком, второй Сиваром, третий Труваром. Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Они направились на восток и прославились в тех странах, через которые проходили... После многих благих деяний и страшных боёв, братья, которыми восхищались и благословляли, пришли в Россию... Тогда Рюрик получил в княжение Новгород, Сивар — Псков, Трувар — Бело-озеро. Спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик присоединил их княжества к своему и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года»¹⁹.

Частичку той же традиции, кажется, передала Александру Сергеевичу Пушкину няня Арина Родионовна, которая была родом с Русского Севера, исторически связанного с Прибалтикой. На основе рукописных записей с её слов поэт создал замечательную «Сказку о царе Салтане», пронизанную глубоким историческим символизмом²⁰. Ничего подобного записать в Швеции было невозможно, потому что народная память

всегда безответна к мнимым «конструктивам», вызванным сиюминутными политическими целями.

Но взаимное влияние политики и истории всегда было намного более тонким, чем зачастую принято считать. Без серьёзной исторической основы политический миф очень быстро оказывается вырванным из контекста. Такая судьба, к примеру, постигла так называемую «норманскую теорию», от которой сегодня дистанцируются даже сторонники скандинавского происхождения варягов.

Впрочем, летописная легенда о варяжском призвании оказывается полностью созвучной тому, что написал в XVI веке мекленбургский учёный Иоганн Фридрих Хемниц. Он привёл предание, согласно которому Рюрик с братьями происходили с южного берега Балтики и были сыновьями князя Годлава (Годлиба или Годлайба)²¹. Эту династию связывали с городом Рерик, разрушенным датчанами в 808 году.

Хемниц основывался на данных более древнего манускрипта 1418 года из шверинского архива, который не сохранился до наших дней. В то же время важно, что и Хемниц, и его предшественник — автор шверинского документа — вряд ли могли использовать информацию из русских летописей, которые стали известны в Германии только в первой половине XVIII века благодаря переводам Герарда Фридриха Миллера²².

Следовательно, свидетельства о Рюрике и варягах в германских документах появились из неких других источников, не связанных с древнерусским летописанием. Причём информация этих источников в целом соответствовала летописным свидетельствам, за исключением некоторых деталей. К примеру, германские авторы употребляли форму имени Сивар, а не Синеус, или датировали само варяжское призвание 840 го-

дом. По всей видимости, с теми же источниками соотносится приведённая выше легенда о Рюрике и его братьях, записанная Мармье в Мекленбурге.

Подозревать Хемница в изобретении генеалогии Рюрика бессмысленно. Во-первых, у него не было веских мотивов для фальсификации, так как в его время политические предпосылки сближения Мекленбурга и России полностью отсутствовали. Во-вторых, Хемниц не предложил принципиально новой трактовки, которая расходилась бы с предшествующими ему источниками и тем самым могла бы вызывать сомнения. Наконец, сам автор ссылается на первоисточник: то, что этот документ недоступен для современных историков, вряд ли относится к вине Хемница.

Итак, согласно мекленбургской традиции Рюрик с братьями был «призван» около 840 года, что представляется существенно более правдоподобным, чем летописный 862 год. Хронология начальной летописи весьма условна и оставляет немало противоречий. Однако некоторые летописные списки, на наш взгляд, более точно, нежели немецкие источники, указывают на место «призвания». Вероятнее всего, это был не Новгород, а Ладога, заложенная варягами ещё в середине VIII века. Новгород Рюрик «срубил» позднее, о чём свидетельствуют и название города, и археологические данные, согласно которым он был основан не ранее IX столетия.

Очевидно, что повышенный интерес к мекленбургским генеалогиям в первой половине XVIII века был вызван политическими событиями, но он не был обусловлен только ими. Хотя бы потому, что эти генеалогии появились отнюдь не ко времени свадьбы герцога Карла Леопольда и Екатерины Ивановны, не были приурочены к бракосочетанию, а существовали задолго до этого, когда в

Западной Европе о Руси имелись разве что разрозненные и противоречивые свидетельства. Мекленбургские генеалогии не исчезли после того, как династический союз распался и Екатерина в 1722 году вернулась в Россию после развода. Скорее наоборот, интерес к ним продолжился и в северогерманской, и в российской литературе.

Тот факт, что на определённом этапе внешнеполитических отношений Российской империи с северными немецкими землями мекленбургское историческое наследие было использовано в дипломатии, доказывает лишь наличие прочной основы для сближения партнёров. В Мекленбурге устойчивая традиция помогала увидеть в России дружественное государство, с которым существовали глубокие исторические и династические связи. Россия, в свою очередь, смогла встретить в Мекленбурге верного союзника, который бережно сохранил историческую память. В конце концов ничего подобного не произошло в российско-шведских отношениях, несмотря на то, что в Швеции того времени многократно «приватизировали» варягов и Рюрика. Ни политического альянса, ни даже примирения на мнимой исторической основе не получилось.

Позднее русско-мекленбургские связи продолжили укрепляться, и потомки от браков Романовых с представителями мекленбургской династии причислялись к российскому императорскому дому²³. Например, внучка Павла I, великая княжна Екатерина Михайловна, также была замужем за мекленбургским герцогом.

Династические контакты продолжились ещё и потому, что, прорубив петровское окно в Европу, Россия не оказалась в одиночестве, а приобрела старых и порядком подзабытых друзей. И они, как выяснилось, тоже помнили Рюрика...

Примечания

1. Pade W. Reise um den Mecklenburgischen Globus. Rostock. 2000. S. 59–85.
2. Thomas Fr. Die nahe Anverwandtschaft des Herzogs Carl Leopold mit der Fürstin Catharina von Rußland. Güstrow. 1716.
3. Thomas F. Avitae Russorum atque Meclenburgensium principum propinquitatis occasione connubii serenissimi Ducis Caroli Leopoldi, cum Catharina Ivanovna, magni Russorum Ducis Alexii. Rostock. 1717. Подробнее см.: Меркулов В. И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сб. РИО. Т. 8 (156). М., 2003. С. 137; Он же. Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Труды Института российской истории. Вып. 7. М., 2008. С. 8–28.
4. Lisch G. C. F. Stammtafel des grossh. Hauses Meckl.-Schwerin mit Angabe der Begräbnisstätten u. der Bilder der hochf. Personen. Zum Gedächtnis der Beziehung des Residenzschlosses zu Schwerin am 26. Mai 1857. Schwerin.

5. Marschalk N. Die Mecklenburger Fürstendynastie und ihre legendären Vorfahren. Die Schweriner Bilderhandschrift von 1526. Bremen. 1995.
6. Lisch G. C. F. Buchdruckerei des Rathes Dr. Nicolaus Marschalk // Verein für Mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde: Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. Bd. 4. Schwerin. 1839. S. 92.
7. Krantzzius A. Vandalia. Francofurti. 1601.
8. Beehr M. J. Rerum Meclenburgicarum. Lib. I. Leipzig. 1741; Buchholtz S. Versuch in der Geschichte Herzogthums Mecklenburg. Rostock. 1753; Nugent Th. The History of Vandalia. London. 1766; Aepinus F. J. Geschichte von Meklenburg für Jedermann in einer Folge von Briefen. Erster Theil. Rostock. 1791.
9. Подробнее см.: Меркулов В. И. Доберанская генеалогия // Вестник Липецкого государственного педагогического университета.

Сер. Гуманитарные науки. Вып. 3. Липецк. 2010. С. 102–105.
10. Он же. Постровская ода и мекленбургская генеалогическая традиция // Судьба России в современной историографии. Сб. научных статей памяти д. и. н., проф. А. Г. Кузьмина. М., 2006. С. 175.
11. Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 37.
12. Wigger F. Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. Schwerin. 1860. S. 105.
13. Beehr M. J. Op. cit. Lib. I. S. 30–31.
14. Байер Г. З. Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Безра. СПб. 1747. С. 6–7.
15. Грот Л. П. Как востоковед Байер внедрял шведские инновации // Общественно-научное реформирование. Запись от 31.01.2012. <http://pereformat.ru/2012/01/bayer-normanism>.
16. Petrejus de Erlesunda P. Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. Leipzig. 1620. S. 1–9.

17. Лимонов Ю. А. «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея // Скандинавский сборник. Вып. 12. Таллин. 1967. С. 260–270.
18. Далин О. История шведского государства. Ч. 1, 2. СПб. 1805.
19. Marmier X. Lettres sur le Nord. Paris. 1857. P. 25–26.
20. Меркулов В. И. Древнее русское предание, ожившее в сказке Пушкина // Наш современник. 2006. № 1. С. 274–280.
21. Chemnitz J. Fr. Genealogia regum, dominorum et ducum Megapolensium...; notae adjectae... Joh. Christ. Beselini / Westphalen, Mon. ined. II. 1615–1726. Неопубликованная рукопись: Chemnitz. Chronicon. Schwerin. Hauptarchiv.
22. Меркулов В. И. Эволюция взглядов Г. Ф. Миллера по варяжскому вопросу // Герард Фридрих Миллер и русская культура. СПб.; Ростов. 2007. С. 77–83.
23. Красюков Р. Г. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома // Историческая генеалогия. 1994. № 3.